

Давид, сын Иосифа

Леонид Школьник, Иерусалим

Давид Колин, з"л

История, которую я сегодня расскажу вам, - короткая и печальная.

Однажды мне в газету "Новости недели" в Тель-Авиве, где я проработал около десяти лет, позвонил читатель и представился:

- Я Давид, сын Иосифа Колина, еврейского актера.

- ... который одно время работал в Биробиджанском ГОСЕТе? - спросил я.

- Да, - ответил Давид. - И у меня есть рукопись отца о том времени...

На следующий день Давид пришел в редакцию, принес экземпляр рукописи, сказал:

- Почитайте. Может быть, вам это покажется интересным. А я через несколько дней к вам загляну, чтобы поговорить подробнее.

И ушел.

Оказалось - навсегда.

Наутро он выступал в прямом эфире радио РЭКА. Его слушали сын и жена.

Давид отвечал на какой-то вопрос радиоведущей и вдруг осекся, замолчал.

Наступила пауза.

Было слышно, как резко отодвинули стул в студии. Затем ведущая объявила: "По техническим причинам передача прекращена".

Жена Давида, услышав это, сказала сыну:

- Что-то с папой... Немедленно поезжай туда...

Но ехать на радио не надо было.

Давид Колин умер мгновенно, в студии, перед включенным микрофоном, не договорив начатой фразы.

В память о нем, о его бережном отношении к воспоминаниям отца, я тогда же подготовил к печати отрывок – главу из рукописи Иосифа Колина (настоящая его фамилия - Штофенмахер). Она – перед вами.

Первая поездка в Биробиджан

Из воспоминаний еврейского актера Иосифа Колина

Иосиф Колин

Второй учебный год в театральном училище подходил к концу. Он завершился поездкой студентов нашего курса с большой программой в Биробиджан, тогда еще еврейский район (не область). С большим волнением мы готовились к первой нашей "гастрольной" поездке. Подготовили большую и разнообразную программу. Одноактная пьеса "Посевмат" в постановке Лойтера. "Минскер блотэс" Изи Харика, литературно-музыкальный монтаж в постановке замечательного мастера художественного слова Эфроса. Елена Рудольфовна Менес поставила с нами два замечательных танца - "Кавалерия" и "Сыпь, Семеновна". Долго и тщательно готовили мы эту программу, все были заняты во всех жанрах - в спектаклях, в художественном чтении, в танцах. Работали в поте лица, но были вознаграждены. Биробиджан нас принял великолепно.

Четырнадцать суток мы ехали поездом. Это был длительный, но незабываемый путь. Мы не могли оторваться от вагонных окон. Мы впервые проезжали места, о которых слышали на уроках географии, о которых читали увлекательные романы путешественников. Урал, Сибирь, Забайкалье, Дальний Восток!.. Когда еще мог житомирский мальчик мечтать увидеть своими глазами эти изумительные места, эту неповторимую природу...

А когда подъезжали к Байкалу, мы не спали всю ночь и не могли оторваться от этой красоты. Поезд так мчался на острие этого могучего озера, что впечатление было - мы мчимся в бездну...

Вместе с нами ехали в Биробиджан переселенцы из Украины, Белоруссии. Несколько вагонов в этом эшелоне были с переселенцами из-за границы, изо всех стран мира. Это были энтузиасты. Люди, которые бросили изумительные свои города и страны, чтобы своими руками строить еврейскую автономную область. Эти чудесные люди с горящими глазами, эти жизнерадостные первопроходцы, эти великие оптимисты решили отдать свои силы, свои жизни строительству первой в мире социалистической еврейской области. Это были большие мечтатели.

Наша труппа также чувствовала свои историческую миссию. Мы - первая театральная труппа, первые люди искусства, которые сказали в этой далекой тайге первое сценическое слово. Все пассажиры чувствовали, что они едут впервые делать большое нужное дело. Это всё создавало торжественную атмосферу.

Как только мы отъехали от Москвы, все в эшелоне уже знали, что в Биробиджан едут "артисты". Все к нам относились с особенным почтением... Странное дело! В эшелоне ехали замечательные инженеры из Германии, знаменитые врачи из Аргентины, но никто не вызывал такого интереса, как мы, группа мальчишек и девчонок, еще студенты, но уже "артисты"! Какое магическое слово - артисты! Все нас приглашали к себе в купе, обильно угощали, от чего мы, всегда полуголодные, не отказывались. С нами все знакомились, обучали нас разным языкам, разным песням. В вагонах всё время слышно было пение на русском, на идиш, на немецком, испанском и итальянском языках.

Перрон Биробиджанского вокзала, 1932

Четырнадцать дней прошли незаметно и незабываемо. Поздно ночью мы приехали в Биробиджан. Станция "Тихонькая". Темный, заброшенный полустанок. Темнота и слякоть. Сейчас это столица Еврейской автономной области, крупный индустриальный центр. Сегодня вас встречает большой современный вокзал. Широкие проспекты, красивые улицы, комфортабельная гостиница.

А тогда, в 1932 году, область только начинала строиться. Тогда был энтузиазм, Биробиджану помогало правительство. Поэтому, если не считать нескольких скептических реплик вроде: "а дус ызыс?", в основном, царило приподнятое настроение. Стоял возбужденный "художественный" шум. Плач детей переключался с неугомонным пением переселенцев из Буэнос-Айреса, крики "Мойше, где наши вещи?" - с песнями группы молодежи...

Объятия, плач, смех.

Эшелон пришли встретить официальные товарищи из райкома партии, из райисполкома. Пришли на станцию Тихонькую биробиджанцы встретить своих земляков, пришли представители переселенческого пункта, чтобы обеспечить гостей жильем. А кругом темнота, грязь и слякоть...

В ту ночь я понятия не имел, что именно здесь, в этом Биробиджане, пройдут лучшие годы моей жизни. Тогда, в ту необычную ночь, я и представить себе не мог, что здесь, на этой далекой станции Тихонькой будет со временем первоклассный еврейский театр, что здесь я встречу с настоящим творчеством, что вместе со всеми стоящими сейчас на станции буду активным строителем этой со временем ставшей мне родной области.

Нашу театральную группу встретили в Биробиджане гостеприимно. Нас ждали. Мы здесь нужны. Наш приезд восприняли как событие большого значения. Я имею ввиду не только официальные организации, которые горячо приветствовали наш приезд, но просто все биробиджанцы были нам очень рады.

Первый концерт состоялся в небольшом железнодорожном клубе. Там не оказалось рояля. Привезти на машине единственный рояль, который находился тогда в переселенческом пункте, оказалось делом невозможным из-за непроезжих болот... И тогда группа энтузиастов- переселенцев подняла на плечи этот тяжеленный инструмент и понесла его из переселенотдела в железнодорожный клуб... Я на всю жизнь запомнил ту необычную процессию...

Наша программа прошла с огромным успехом. И вообще первые наши выступления в Биробиджане превратились в большой культурный праздник. Овации, крики "браво", радостные возгласы не прекращались до полуночи. И тут же после первого спектакля вышел на сцену высокий худой человек в роговых очках и взволнованно провозгласил: "Не сомневаюсь, что это ядро будущего государственного еврейского театра Биробиджана".

Сцена из спектакля "Цвей кунилемлэх" в Биробиджанском ГОСЕТе (слева направо: актеры А.Басихес, И.Колин и Ф.Аронес)

Это был замечательный деятель, энтузиаст, добрейшей души человек, впоследствии большой наш друг Рашкес...

Его слова оказались пророческими: через год вся наша группа действительно стала ядром Государственного театра Еврейской автономной области.

За насколько недель мы исколесили всю огромную область. Успех нам сопутствовал всюду. Нас встречали и провожали как родных. Программа была интересная. Мои товарищи Карлос и Гершман работали в ней великолепно. Но я собой был не очень доволен, хотя меня беспрестанно хвалили. Впрочем, все участники программы работали с полной отдачей.

Тихонькая, Облучье, Биракан, Ин, Бирофельд, Амурзет, Соцгородок...

Соцгородок... Великолепно помню этот поселок: всего несколько бараков в тайге. Иностранцы (евреи из Аргентины, Польши, Америки) работали там тяжело, но с великой верой в будущее, строили город. Кругом болота, тайга, а к нам на концерт зрители пришли в европейских костюмах, в накрахмаленных рубашках, женщины - в вечерних туалетах...

Быстро пролетели наши первые гастроли. Мы вернулись в Москву окрыленные, бодрые, загорелые, как будто с курорта. Кончился второй год учебы. Впереди третий и последний. Впереди - выпускной дипломный спектакль...

На душе почему-то легко, хорошо, радостно...

Почему-то?..

Да потому, что мы были молоды! Мне исполнилось восемнадцать лет! Вся жизнь впереди! Мы с Яшей Розенфельдом бродили по московским улицам, впервые почему-то закурили папиросы. Все-таки гастролеры! Мы задыхались от дыма, смеялись, хохотали безумно, по-детски, во весь голос - от счастья, от радости жизни!

На каникулы я приехал в Житомир. К тому времени мои родители переехали на местожительство к бабушке. Не знаю, чем это было вызвано, но, думаю, в связи с ухудшившимся материальным положением родителей.

Бабушка остался мною недоволен. Дело в том, что он всегда перед едой выпивал свою знаменитую стопку водки. Утром, когда я приехал, он налил мне стопку водки и предложил, чтобы я с ним выпил. Но меня тошнило от одного только вида водки. Я кривился, крутился, но так и не осмелился выпить эту рюмку. Бабушка был очень мною разочарован и крикнул с досадой моему отцу: "Мойшэ, эр кон нит"...

Зато я помню восторг моего бабушки, когда я приехал домой через пару лет, уже овладевший этим нехитрым мастерством, и виртуозно опрокинул предложенную мне стопку. Дед был потрясен и крикнул радостно моему отцу: "Мойшэ, эр из а молодец, эр кон"...

С тех пор бабушка относился ко мне с уважением...

Недовольна мною была также бабушка Эстер. Она сидела у своего любимого окна, с теми же очками на кончике носа, с тем же молитвенником, но уже старенькая и вся седенькая. Расспрашивала меня о Москве, о театре. А когда я ей рассказал, как играют в ГОСЕТе "Колдунью", она была страшно разочарована. Она возмутилась, что на спектакле "Колдунья" артисты выкрикивают: "Гешторбн дэр алтэр идишэр театэр".

"Нам еще очень далеко до старого еврейского театра", - говорила бабушка Эстер, обиженная за ее любимую "Колдунью".

Недовольны мною были мои любимые родители за то, что я мало бывал дома...

А как мне усидеть дома, когда меня тянуло в город, к любимым незабываемым местам, к третьей школе, к родной Подольской улице, к любимой реке Тетерев, к городскому театру...

К великому моему огорчению, все эти места вызвали у меня глубокое разочарование... И третья школа, которая когда-то казалась мне величественной, сейчас выглядела маленькой, невзрачной, осиротевшей... И любимый школьный сад, и Подольская улица потеряли свое былое очарование.

Но самое глубокое разочарование вызвал у меня мой бывший кумир, мой старый добрый городской театр... Боже мой, какой он маленький, обтрепанный... После московских театров он выглядел прибитым, приниженным... Неужели здесь я простаивал часами и смотрел на это здание, как на чудо архитектуры? Неужели здесь я с завистью глядел на тех счастливиц, которые могут попасть в этот удивительный храм? Мне было обидно, до слез обидно за моего родного кумира... Но в том старом Житомирском городском театре играла сейчас первоклассная труппа Киевского ГОСЕТа.

Да, это была удивительная, замечательная труппа настоящих мастеров. Это был еврейский художественный театр в полном смысле этого слова. И это не случайно. Руководил тогда этим театром непосредственный ученик и соратник великого Константина Сергеевича Станиславского - Борис Ильич Вершилов. Это был первый еврейский Театр, который на деле руководствовался знаменитой системой великого новатора и гениального ученого сцены... Реалистическая манера исполнения артистов покорила зрителей. Этот изумительный театр принес на сцену новый репертуар, новые темы. Отлично на сцене этого театра игрался спектакль "Улица радости". Какой это был богатый актерский спектакль! Какие изумительные актерские удачи! В спектакле развернул свою богатырскую мощь большой мастер еврейской сцены Калманович. Какой это был удивительный актер! Здесь, в этом замечательном произведении, я впервые увидел большого еврейского артиста Мозеса Давидовича Лихтенштейна, с которым мы впоследствии работали вместе и стали большими друзьями. Это был художник большой покоряющей правды, умный, с тончайшим юмором. А как великолепен был Лихтенштейн в спектакле "Ботвин"!

У меня буквально проходит дрожь по телу, как только вспоминаю это созвездие мастеров Киевского ГОСЕТа: Жаботинский, Шайкевич, Днепров, Яцовская.

К великому сожалению, ушла эта великая плеяда артистов, и нигде не найдешь слов памяти об этих замечательных творцах. Это был театр современный в полном смысле этого слова. Это был театр большой культуры. Это был театр Станиславского.

Спектакли "Улица радости", "Ботвин", "Дрейендикс флигл", которые мне довелось увидеть в то лето тридцать второго года в Киевском еврейском театре, доставили огромное наслаждение и глубоко сохранились в моей памяти... Интересно, что большие

мастера этого театра не принимали систему актерского творчества Московского ГОСЕТа. Я помню, как Калманович, который сделал мне комплимент, что я очень похож на Юлиуса Адлера, сказал мне: "Вам, молодой человек, нечему учиться на Малой Бронной".

Мне исполнилось восемнадцать. Я первый раз полюбил девушку. Ее звали Рохэлэ Набедрик. Она училась в музыкальной школе и должна была стать пианисткой. Наши родители придавали этим отношениям особое значение. Всё мое каникулярное время мы с ней гуляли. Мечтали о будущем. Я много рассказывал ей о Москве, о театрах, о великих артистах. В прощальный вечер, накануне моего возвращения в Москву, она мне подарила красивый платочек, на котором вышила буквы "Р" и "З".

Весь вечер она проплакала. Плакала, плакала без конца. Я ее успокаивал: "Рохэлэ, что ты плачешь, я ведь скоро приеду и всё будет хорошо"...

А Рохэлэ Набедрик мне ответила: "Нет, Зёзя, ты не приедешь"...

Она оказалась права. Больше мы никогда не виделись...